УДК 82.091
DOI: 10.31029/vestiyali40/4

# ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В ПОЭМЕ «ВЕК-ДАВИТЕЛЬ» ХАДЖИ МУХАММАДА СУГУРИ

**А. М. Муртазалиев,**
*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского ФИЦ РАН*

В статье анализируются специфика поэтического нарратива в поэме Хаджи Мухаммада Сугури «Век-давитель» как способа выражения авторской позиции, а также ее художественные особенности и сюжетно-фабульная организация. Отмечается связь произведения с традициями аварской героико-исторической поэзии.

**Ключевые слова:** поэма, арабоязычная литература, поэтический нарратив, Дагестан, стиль.

This article analyzes the specifics of poetic narrative in Haji Muhammad Sughuri's poem "The Crucible Century" as a means of expressing the author's position, as well as its artistic features and plot structure. The work's connection to the traditions of Avar heroic-historical poetry is noted.

Key words: poem, Arabic-language literature, poetic narrative, Dagestan, style.

В XIX веке арабоязычная аварская литература с ее богатыми многовековыми традициями переживала этап своего бурного развития, благодаря дальнейшему культурному росту местной интеллигенции в силу сложившихся общественно-политических условий. «Арабоязычная литература народов Дагестана является живым наследием всех народов, населяющих его, в ней сплелись традиции словесного искусства арабов и горцев Дагестана…» [1, с. 185]. В этот период ее представляла плеяда талантливых поэтов и писателей, творчество которых оставило яркий след в истории национальной художественной культуры аварцев. Одним из авторов, творивших в этот период исключительно на арабском языке, был Хаджи Мухаммад Сугури (1812–1870), чья разносторонняя творческая деятельность была тесно связана с национально-освободительной войной первой половины XIX века.

Будучи сыном известного богослова, учителя и сподвижника имама Шамиля Абдурахмана-хаджи Сугури, свое первоначальное образование Хаджи Мухаммад получил у своего отца, затем учился у известных ученых Аварии, в частности у Махдимухаммада и Шайтан Абдулы. Во время Кавказской войны Хаджи Мухаммад был среди активных идеологов газавата. Все свое ораторское искусство, талант ученого и блестящее слово поэта он направлял на воодушевление и призыв народа на борьбу с врагом за свободу и независимость родины. После окончания войны Хаджи Мухаммад эмигрировал в Османскую империю.

Хаджи Мухаммад Сугури был признанным, талантливым мастером поэтического слова своего времени. «Хаджи Мухаммад-эфенди был одним из лучших арабоязычных поэтов Дагестана, возможно даже самый лучший» [7, с. 71]. Он в совершенстве владел классическим арабским языком, писал на нем поэтические произведения и философские трактаты.

Из богатого поэтического наследия поэта до нас дошли лишь два произведения, созданные на арабском языке: поэма, посвященная пленению Газимухаммада, сына имама Шамиля, и поэма «Век-давитель», опубликованная в Стамбуле в 1909 году. На русском языке поэма впервые была опубликована в 1941 году в подстрочном переводе востоковеда А. М. Барабанова. Как пишет исследователь аварской литературы С. М. Хайбуллаев, среди произведений

арабоязычных поэтов о Кавказской войне особое место занимает поэма «Век-давитель» [4, с. 405].

Поэма написана в жанре поэтического нарратива, в котором автор высказывает свои сокровенные мысли, передает чувства, делится впечатлениями, навеянными темой повествования. Предметом поэтического нарратива Хаджи Мухаммада является история и современная ему обстановка в Дагестане, сложившаяся после его покорения Россией и установления здесь правления русской администрации, то есть после такого общенародного события в недавнем прошлом, как национально-освободительная война, продолжавшаяся несколько десятилетий. «Тексты, называемые нарративными, … излагают, обладая на уровне изображаемого мира темпоральной структурой, некую историю» [5, с. 15].

Как отмечает Ч. С. Юсупова, «Век-давитель» в стихах как бы повторяет изложенную в известной хронике Мухаммед-Тахира аль-Карахи историю борьбы горцев Северного Кавказа с царизмом [6, с. 32]. С точки зрения описания, естественно, история представлена очень скупо, ибо поэма является не хронологическим изложением событий и фактов, а богатой эмоциональной картиной этой истории. Она дается как авторская рефлексия, переживание нарратора, в каждом слове, в каждом восклицании и даже в каждой паузе которого раскрывается сложное, противоречивое душевное движение, вызванное конкретными историческими событиями. «Поэма Хаджи Мухаммада "Век-давитель" по идейной установке, по пафосу, по тематике созвучна произведениям, созданным аварскими поэтами после пленения Шамиля и покорения края: Мухаммадбега из Гергебиля, Мухаммада Чиркеевского, Чупалава из Игали, Саида из Кудутля» [4, с. 411].

Поэма начинается с описания трудных времен, наступивших в Дагестане после его поражения в тяжелой, изнурительной войне, и приходом русских, которые установили правление христианского большинства и ведут себя в горном крае как хозяева. Этот период поэт называет временем многочисленных и тяжелых бедствий, сетует на то, что судьба несправедлива к горцам, ниспослав на них несчастия и бедствия:

Пришел к нам век-давитель и сок выжимает из бедствий
И пить нам дает чаши (с напитком) из ядов.

Пьяными от огорчений мы оказались,
Хотя до этого мы и не пили вина.

Пришло к нам господство неверных,
Победило и овладело местами нашего пребывания.

Из-за этого прихода к нам дни помрачились настолько,
Что от мрака день стал темнее ночи [3, с. 83].

Повествуя о трагической участи своей отчизны, автор тешит себя и своего визави воспоминаниями о славных страницах недавнего прошлого, когда горцы давали достойный отпор врагу:

И сколько на них прежде охотились бойцы газавата,
Так же, как на голубей охотятся соколы!

Сколько нападали на них, убивая внезапно,
Так же, как львы нападают на скот [3, с. 84].

Особой болью в душе поэта отдается трагедия Гуниба, последнего оплота имама Шамиля и его сторонников. Казавшаяся неприступной, которую «не взяли бы и тысячу лет», эта

естественная крепость покорена врагом не силою оружия, не в честном бою, а хитростью и коварством:

Поднялись (враги) на Гуниб только при помощи хитрости,
В то время, когда все люди находились (там) в беспечности.

И если бы не окружили их при помощи хитрости,
То не взяли бы боем и в тысячу лет [3, с. 85].

Страдания лирического героя, его печальные думы и болезненные переживания по поводу наступивших тяжелых времен настолько велики, что из его уст вырывается трагический стон, обращенный к читателю:

О, друг мой! Если б ты видел своими глазами то, что я излагаю,
То ты, без сомнения, завопил бы от горя [3, с. 87].

Кажется, что у повествователя не осталось больше сил продолжать поэтический нарратив: он высказался сполна, и его переживания, вызванные картинами покорения родины, характером и поведением завоевателя и последствиями наступивших тяжелых времен, выражены достаточно ясно и убедительно в глазах его визави.

Однако здесь у повествователя словно открывается второе дыхание, и он, продолжая свой «самый удивительный из рассказов...», просит того, кому адресован его нарратив, выслушать его внимательно. Это продиктовано пониманием поэта, что он не сказал главное: не дал оценки жизни и деятельности руководителей освободительной войны, главных защитников ислама, выразителей духа сопротивления народа. В глазах поэта именно они несли основное бремя священной борьбы, олицетворяли лучшие черты характера народа – правду, свободу и благородство. И потому без такой оценки личностей имамов Газимухаммада, Гамзата и Шамиля данное повествование не будет объективным в той степени, в какой это нужно для истории и не произведет на слушателя такого впечатления, какого от него ждет сам поэт.

Характеризуя личности руководителей национально-освободительной войны и их деятельность, Хаджи Мухаммад оценивает их, прежде всего, как вождей-воинов, ведших за собой народ по пути утверждения, защиты и сохранения ислама. В первую очередь на это указывает стиль поэмы, в котором акцент сделан не на этнической, а на религиозной доминанте народа. «Индивидуальный стиль писателя не существует отдельно от идеи и темы произведения, от его содержания… Нет, индивидуальный стиль существует именно по отношению к идее и теме в целом, вернее – стиль и есть отношение слов и всех вообще языковых средств к выражаемым мыслям» [2, с. 16]. В лексическом арсенале поэта, как видим, отсутствуют слова, указывающие на этно-социальный характер Кавказской войны: дагестанцы, горцы, Россия, русские, царь, свобода, независимость и пр. Вместо них он апеллирует понятиями, семантика которых подчеркивает борьбу горцев именно как газават, как войну за веру: ислам, шариат, благородные, правоверные, мусульмане, бойцы газавата, люди религии, павшие за веру, неверные, кяфиры и пр.

Все это говорит о том, что Хаджи Мухаммад – адепт ислама, богослов – воспринимает объективную реальность и оценивает ее не с позиций представителя конкретного этнического социума, а с позиций правоверного мусульманина, члена мусульманской уммы.

Так, первого имама Дагестана Газимухаммада поэт характеризует как «имама ислама», который вел за собой народ по верному пути «утверждения шариата», человека справедливого и смелого, погибшего за веру как настоящий воин:

Вот уже возложили имамство с покорностью
На имама Газимухаммада.

Начал он с того, что заботливо повел народ
По верному пути утверждения шариата и обрядностей.

Он возвеличил религию в этих жилищах,
Он возвратил данный богом закон, до него устраненный...

Был он, несомненно, имамом ислама,
Он соблюдал истину ислама справедливо и точно [3, с. 87].

Второй имам – Гамзат – достойно продолжает дело своего предшественника. Это опытный воин, предводитель мусульман – «халиф», «великий герой», который сражается «на верном пути джихада». Но имам Гамзат пал не на поле брани, его подло убили в соборной мечети во время пятничной молитвы, что, по мнению автора, послужило причиной раскола и раздора в обществе:

Сражался он на верном пути джихада.
Старание его было прекрасным среди всех людей.

Он – второй над этими жилищами
Из халифов и великих героев.

Братья несчастия пошли на убийство его,
Во время скопления народа в их соборной мечети...

Рассеялась в те дни совокупность общины
И была пролита кровь благородных [3, с. 88].

После трагической гибели второго имама народ присягает на верность Шамилю – «герою, вождю». Поэт дает высокую оценку третьему имаму, которого оценивает как благоразумного, последовательного лидера Дагестана. Отмечается осторожная, продуманная политика Шамиля по объединению разрозненного народа, признанным руководителем которого он стал и не только консолидировал народ, но и «вновь воссоздал, укрепил здание ислама».

Повествуя о ратных успехах и победах Шамиля и его сторонников, которых поэт называет не иначе, как «мусульмане», он восхищается ими и по достоинству оценивает их.

Поэтически воспевая победы и достижения Шамиля в борьбе и в политике, Хаджи Мухаммад не обходит стороной и причины, приведшие освободительную войну горцев к печальному итогу, к поражению. «Поэт-рационалист, – пишет Ч. С. Юсупова, – анализирует причины поражения и находит их в разложении самого руководства освободительного движения: коррупции, корыстолюбии, алчности, предательстве, обмане, распространившихся среди наибов Шамиля» [6, с. 54]:

Его обманули друзья его подлые,
А друг его оказался наиболее враждебным соперником...

Наибы его оказались наибами порока,
Подлинно они были бедствиями для народа [3, с. 92].

Между тем поэт не оправдывает и имама Шамиля. Он обвиняет его в том, что слишком доверял своим наибам и не прислушивался к голосу народа:

Имам называл их верными управителями и потому делал вид,
Что не слышит жалоб тех, кому были причинены обиды [2, с. 92].

Поэтический нарратив Хаджи Мухаммада завершается его заявлением о том, что он не претендует на совершенство своего поэтического дарования, а лишь как очевидец свидетельствует о превратностях своего времени. Поэт, будучи уверенным, что его побежденный, растерянный и униженный народ заслужил лучшую участь, обращается к Аллаху с просьбой о даровании ему достойной человеческой жизни:

Этими стихами я не собираюсь претендовать
На поэзию, если бы даже и обнаружил слов чародейство.

Однако я свидетельствовал как очевидец о превратностях
Моего века и сообщил о делах до конца.

И если были порочными время и люди моего века,
А народ оказался приведшим в расстройство порядок,

То я вот – Хаджи Мухаммад Согратли
Прошу у Аллаха хороший исход [3, с. 93].

Итак, поэтический нарратив в поэме «Век-давитель» Хаджи Мухаммада Сугури является основным способом передачи авторской позиции, а обращение, как художественный прием, позволяет автору максимально эмоционально, конкретно выразить свое отношение к героям и событиям, активными участниками которых они являются.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гусейнаев А. Г.* Арабоязычная литература народов Дагестана первой половины XIX века. Махачкала, 2009. 190 с.

2. *Федоров А.* Язык и стиль художественного произведения. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. 131 с.

3. *Хаджи Мухаммад Сугури*. Век-давитель // *Мухаммед-Тахир аль-Карахи.* Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Ч. II. Махачкала, 1990. 126 с.

4. *Хайбуллаев С. М.* История аварской литературы XVII–XIX веков. Махачкала, 2006. 646 с.

5. *Шмидт В.* Нарратология. М.: Лабиринт: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

6. *Юсупова Ч. С.* Дагестанская поэма. М.: Наука, 1989. 408 с.

7. *Kayayev Ali.* Teracim-i Ulema-yı Dagistan / Dağıstan Bilginleri Biyografileri. Ankara, 2012. 160 s.

Поступила в редакцию
16. 06. 2025.

**Муртазалиев Ахмед Магомедович**, доктор филологических наук, зав. отделом литературы Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН; e-mail: ahmurt04@gmail.com

**Murtazaliev Ahmed Magomedovich**, Doctor of Philology, Head of the Literature Department, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS; e-mail: ahmurt04@gmail.com